

Научная статья
УДК 81.1
doi: 10.17223/15617793/474/7

Речь современного судебного оратора: от замысла к воплощению

Татьяна Фёдоровна Волкова¹

¹ Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия, tatyana-volkova@bk.ru

Аннотация. С опорой на методологию судебной риторики и лингвоперсонологии проанализированы этапы подготовки судебного оратора к выступлению и самого выступления: сначала как вариантов письменного текста, а затем – его устной реализации. Эффективные и неэффективные стратегии речевого поведения адвоката в ходе работы над речью выявлены на уровнях расположения, редактирования и произнесения текста. Сформулированы рекомендации по улучшению риторической компетенции оратора.

Ключевые слова: эффективность профессиональной речевой деятельности, риторическая компетенция, языковая личность судебного оратора, подготовка судебной речи

Для цитирования: Волкова Т.Ф. Речь современного судебного оратора: от замысла к воплощению // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 58–66. doi: 10.17223/15617793/474/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/7

Speech of the modern forensic public speaker: From vision to fulfillment

Tatyana F. Volkova¹

¹ Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation, tatyana-volkova@bk.ru

Abstract. Based on the material of a separate speech of a particular court speaker in the aspect of communicative effectiveness, the preparing for the speech (work on written versions of the text) and the speech itself (oral implementation of the text) are analyzed. The effective and ineffective strategies of the lawyer's speech behavior during the work on the speech (structuring, editing, and pronouncing) are revealed. Basically, the speaker follows the rhetorical canons. He attaches great importance to his speeches, persuasion with the help of facts, preliminary preparation, but limits the involvement of various language resources. At the same time, the oral form of speech is more expressive; it includes many conversational elements, words that contribute to strengthening the logic and coherence of the text, attracting the audience's attention. There are no unnecessary words, abbreviations, colloquialisms, slang. This is due to the current trend of conducting trials, which does not imply the involvement of emotional means, and is determined by a judicial speaker's personal qualities. When making a speech, the speaker found a balance between non-standard – according to typical rhetorical rules – pace and volume of speech. As a result, it can be argued that the speech behavior of a particular person can become a model for such language personalities and even influence the formation of general rhetorical rules. Recommendations for improving the speaker's rhetorical competence are formulated. It is necessary for this speaker and similar professionals to rely on their own individuality, develop strengths (e.g., self-confidence, reliance on logic and facts, pedantry) and compensate, if possible, for weaknesses. For instance, an excessive focus on specific advantages leads to monotony of texts and predictability of perception. Therefore, it is necessary to expand the set of language tools for any speaker, including the analyzed person, because this increases the communicative and professional competence. The general impression from the speech is that the speaker is a confident, calm, reserved, pedantic, delicate person, who speaks competently, counting on the understanding of intelligent adequate people. The image of this modern court speaker is evaluated as harmonious because the idea is implemented consistently and effectively, but there are a number of aspects to master: eliminating speech errors, expanding the set of figurative words and figures of speech, more active use of gestures and facial expressions when making speeches.

Keywords: effectiveness of professional speech activity, rhetorical competence, language personality of judicial speaker, preparation of judicial speech

For citation: Volkova, T.F. (2022) Speech of the modern forensic public speaker: From vision to fulfillment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 58–66. (In Russian). Doi: 10.17223/15617793/474/7

Статья выполнена на стыке двух активно разрабатывающихся в настоящее время направлений современной лингвистики: судебной риторики и лингвоперсонологии. Совмещение методологических установок двух подходов позволяет реализовать цель исследования – на материале речи конкретного судебного оратора проанализировать этапы процесса трансформации письменных вариантов выступления в итоговый устный, выявить критерии эффективности «перевода» письменного текста в произносимый в зале суда и, наконец, сформулировать рекомендации по оптимизации данного вида профессиональной речевой деятельности судебного юриста. Под эффективностью подразумевается максимально полное осуществление интенций адресанта в максимально адекватной данной коммуникативной ситуации языковой форме.

Общие правила судебной риторики изучены глубоко и всесторонне. Достаточно много внимания уделяется базовым принципам судебного красноречия [1–3], теории и практике аргументации, поскольку целью речевой деятельности судебного оратора всегда является убеждение аудитории [4–6], а также квалификации стиля и жанра судебной речи с учетом её позиции на стыке книжной и разговорной форм литературного языка, что отражает общую тенденцию к жанрово-стилистической гибридизации современной публичной речи [7, 8].

Параметры эффективной современной судебной речи описаны во многих работах, но в отдельных специализированных аспектах. Активно разрабатывается коммуникативно-деятельностный подход, в рамках которого эффективность судебной речи приравнивается к адекватному пониманию аудиторией, а адекватность понимания подразумевает «адекватную замыслу интерпретацию смыслового содержания коммуникации» [9. С. 120]. Ученые, работающие в русле ортологического подхода, выдвигают на первый план соблюдение языковых и стилистических норм [10, 11], а признаками сформированной ораторской культуры юриста считают отсутствие профессионального жаргона, узкоспециальных терминов, сокращений, просторечий, сленга, слов-паразитов, длинных предложений, страдательного залога [12]. Также критерии хорошей судебной речи выделяются с опорой на паралингвистические характеристики: технико-речевые (интонация, тембр, сила, эмоциональность голоса, темп и четкость произношения и т.д.), невербальные (поза, жесты, мимика, передвижение по аудитории, зрительный контакт со слушателями), коммуникативно-психологические (настроенность на аудиторию) [13–15].

Однако нет работ, в которых проводился бы комплексный анализ, позволяющий всесторонне оценить профессиональную речевую компетентность судебного оратора, а выступления в суде изучаются исключительно «в снятом виде», как состоявшийся и законченный текст. Исследований процесса порождения сначала нескольких вариантов письменного текста выступления в период его подготовки, а затем – его итоговой реализации в устной форме в зале суда, процесса в его этапности и динамике, также не проводилось.

Наиболее эффективно осуществить такое исследование можно с опорой на методологический инструментарий лингвоперсонологии, сосредоточенной на конкретной языковой личности (понятие *языковая личность* определяется с позиций Томской лингвистической школы как «личность в совокупности социальных и индивидуальных черт, отраженная в созданных ею текстах» [16. С. 11]) и ее речевой деятельности, в том числе профессиональной языковой личности юриста [17–20]. Индивидуальная судебная речь отдельного специалиста, изученная в динамике, позволяет выявить как эффективные стратегии речевого поведения, так и неэффективные, скорректировать речевой имидж публичной языковой личности.

Субъект данного исследования – компетентный и состоявшийся в профессии адвокат из г. Томска как профессиональная языковая личность. Материалом исследования стали пять письменных вариантов и аудиозапись одной и той же речи. Тексты написаны адвокатом в разное время (от написания первого письменного варианта текста выступления до самого выступления прошло два года): первый – задолго до выступления (2 800 слов), второй (3 000 слов) и третий (2 900 слов) – примерно через шесть месяцев, четвертый (3 100 слов) – за два месяца до выступления, пятый закончен непосредственно перед выступлением (2 700 слов). Объем устной речи – 4 400 слов.

Методология анализа включала рассмотрение произведенных судебным оратором в ходе подготовки к выступлению и самого выступления изменений, произведенных сначала в разных вариантах письменного текста, а затем – в его устной реализации на трех этапах: этапе расположения текста (композиция), этапе редактирования текста (выбор словоупотребления и грамматическое оформление) и этапе произнесения (оценка эмоциональности интонации, темпа речи, силы голоса, уместности жестов и поз). В процессе анализа мы ставили следующие вопросы: каковы эффективные и малоэффективные стратегии работы адвоката над речью, стремится ли улучшить текст информант, следует ли риторическим канонам, если нет, то связано ли это с современной тенденцией ведения судебных процессов к уменьшению эмоциональных средств или же определяется личными качествами судебного оратора.

Проанализируем, каким образом изменялся письменный текст на этапе его расположения. Объем текстов постоянно менялся, но не очень значительно. Изменения были обусловлены спецификой уголовного дела и отношением защитника к доверителю. Суть дела заключалась в том, что одного из сотрудников начальник обвинил в крупной краже. Было понятно, что нет явных доказательств как невиновности, так и виновности подзащитной, поэтому адвокат сосредоточил внимание на недостатках поведения самой потерпевшей и многочисленных ошибках, допущенных за долгий период следствия. В течение двух лет оказались допрошенными большое количество свидетелей, экспертов, проведено много судебных проверок и экспертиз, следовательно, защитник имел возможность выбирать между различными фактами. Воз-

можно, адвокат постоянно переоценивал отдельные мелкие детали, принимая решения о включении их в конечный, по его мнению, эффективный текст. Основные факты присутствовали уже в первом письменном варианте речи и повторялись всегда, включая устный текст. Вставки возникали только при появлении новых обстоятельств дела, будь то показания новых свидетелей или результаты новых экспертиз. Это относится к композиционным изменениям первого черновика (2 800 слов) при переделке во второй вариант (3 000 слов). Только в третьем черновике (объем 2 900 слов) появляется информация, которую адвокат оценил как наиболее важную, потом подав в качестве самого сильного аргумента. Зато из третьего текста исчезли некоторые детали из первых двух, потом появившись в конечном устном варианте. Четвертый текст (3 100 слов) наиболее видоизменен по сравнению с другими, части переставлены местами, есть два новых абзаца, информация из предыдущих текстов то убирается, то появляется. Объяснить трансформацию четвертого варианта можно стремлением языковой личности оставить в тексте наиболее важные факты и добавить ряд новых значимых деталей. Новая информация включается автором в разные части предыдущего черновика, дополняя важные тезисы.

Пятый вариант является самым коротким, всего 2 700 слов, так как отсутствует ряд блоков, содержащих мелкие детали дела, повторяющуюся информацию. Информация, не отмеченная ранее, также имеется, всего один абзац. Оратор, в отличие от предыдущих, в последнем варианте тщательно продумывал вступительную часть, добавил образные средства, фигуры речи и разговорную лексику. Устный вариант текста (4 400 слов) – самый объемный, так как включает всю информацию из всех черновиков. При этом часть, включенная в пятый черновик в последнюю очередь, не вошла в устное выступление. Вероятно, информация была оценена как второстепенная: *Свидетель Б. в своих показаниях (том 2, л.д. 225) показал, что в процессе работы никаких конфликтов у него с В. не было. В то же время свидетель П. в своих показаниях (том 2, л.д. 231) указывает, что между Б. и В. были конфликты.* В итоге анализа пяти черновиков и текста устного выступления можно утверждать, что композиция, а следовательно, и замысел речи не претерпели кардинальных изменений. Смысл текста, который оратор планировал донести до слушателей, был ясен ему с самого начала. Обилие информации, получаемой за два года предварительного следствия, вынуждало создавать новые тексты, не упуская мелких деталей. Эмоционально нагруженные фрагменты были включены только в последний черновик. Это характеризует личность адвоката как внимательного, скрупулезного, рационального человека.

Отдельные изменения с письменным текстом произошли на этапе его редактирования, включая словоупотребление и грамматическое оформление. Отметим, что нет возможности в динамике проследить трансформацию текстов от черновика к черновику, так как у информанта не отмечено стремление исправлять ошибки. В итоге проделан анализ особенно-

стей словоупотребления при сравнении устного и письменного вариантов. Найдена лексическая ошибка, которая повторяется почти во всех текстах: *1 или как минимум 2 квитанции* (вместо *максимум*). Также выявлены лексические повторы и тавтология как погрешность речи: *К. получила доход 70000 рублей, ни перед кем за него не отчитавшись, за этот доход; В. обязуется принимать прием и выдачу денежных средств по документам, подписанным Руководителем, то есть К.* В устной речи оратора выражение «принимать прием» прозвучало в неизменном виде.

На лексическом уровне оратор делает синонимичные замены, предпочитая более короткие слова: *Однако поскольку П. нужны были документы – Но поскольку П. нужны были документы; Таким образом, не понятно, каким образом, заключения бухгалтерских экспертиз доказывают вину В. – Таким образом, не понятно, как, Ваша честь, заключения бухгалтерских экспертиз доказывают вину В.* Имеются лексические повторы указательных местоимений как средство повышения экспрессивности высказывания: *Можно было установить, эта ли цифра была написана В., имелись ли исправления этой цифры, другим ли красителем выполнена эта надпись, или одинаковыми; Вот такой был бухгалтерский учёт. И такое отношение к документам строгой отчетности.* Слов-заполнителей пауз очень мало, по два раза отмечены *ну, ммм*, есть выражение *скажем так*, очевидно, использованное для введения эвфемизма *несоответствие* вместо слова *подлог*: *Также Ваша честь о своих, скажем так, несоответствиях в подлинниках показал свидетель К.* В другом примере это выражение применяется для примерного обозначения объекта: *Необходимо было вести журнал, где работник расписывался бы в той или иной, скажем так, квитанционной книжке.*

Отмечено сочетание в одном контексте книжной и разговорной лексики. Письменный вариант: *....говорит о том, что у предпринимателя К. был ненадлежащий (книж.) бухгалтерский учет, поскольку при нормальном (разг.) ведении бухгалтерии сумма причиненного материального ущерба, как правило, устанавливается сразу, без проведения тем более каких-либо экспертных исследований; ...получать достаточно приличный (разг.) доход ...; ни слова (разг.) не пишет про наличие актов приема передачи денежных средств...* В устном варианте количество подобных примеров увеличивается. Добавляются разговорные слова: *Налоговой проверки параллельно со следствием никто не удосужился провести;* разговорное слово *пенять* в одном контексте с книжным словом *некорректно*: *Поэтому пенять на это, по крайней мере, некорректно с учётом позиции, избранной гражданином* (если говорящий оценивает действия прокурора как неправильное, то это книжное значение, а если как невежливое, то это общеупотребительное значение); слово с уменьшительно-ласкательным значением *годик*: *Кроме того, я поправляю здесь уважаемого гособвинителя, у моей подзащитной трое детей, трое детей: первому 17 лет, второму 4 годика, третьему 2. Да.* Вероятно, таким

способом адвокат хотел вызвать сочувствие к своей подзащитной. Интересно использование разговорного союза **то бишь**: *В соответствии с ч.3 ст. 14 УПК РФ все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке установленном настоящим Кодексом, толкуются в пользу последнего, то бишь обвиняемого.* В устной речи адвокат добавил два слова **последнего, то бишь**. Разговорное устойчивое выражение можно расценить как способ привлечь внимание путем изменения стандартной протокольной фразы.

Экспрессивные слова и выражения в подавляющем большинстве случаев содержат сему «усиление», реализованную посредством отрицательных местоимений, усилительных и отрицательных частиц, а также наречий, прилагательных. В письменном варианте: *Таким образом, мне совершенно не понятно, откуда взята сумма причиненного ущерба на сумму более 1 000 000 рублей; Можно констатировать, что К. это с успехом удалось, так как следственные органы полностью встали на позицию последней, не обращая внимание на вопиющие нарушения бухгалтерского учета.* Выражение *с успехом* имеет значение **удачно**, в контексте приобретает ироническую оценку, часто используемую языковой личностью. Прилагательное **вопиющее** содержит сему «неодобрение».

В устном варианте именно подобные слова и выражения наиболее частотны: *...К. категорически отрицала; Сколько мы их провели за год во время следствия, Вы, Ваша честь, можете видеть в материалах уголовного дела. Все эти экспертизы мы оглашали, и даже допросили эксперта; не были назначены ни в одном из этих случаев; то она не должна приносить никаких извинений потерпевшей К., ни тем более возмещать ей ущерб до того момента, пока она не будет признана...*

В устной речи оратора в качестве экспрессивной единицы зафиксирован разговорный фразеологизм **каждая копейка на счету**: *... следовательно не понятно, как при такой постановке контроля, могло произойти хищение на протяжении более года у индивидуального предпринимателя, где каждая копейка должна быть на счету.* В письменном тексте имеется устойчивое выражение *с успехом*, оно общеупотребительное. Использование фразеологизмов добавляет речи оратора точности и выразительности. Исследуемая личность, хотя и нечасто, но способна употреблять такие единицы как в устной, так и в письменной речи. Экспрессивные и разговорные лексические средства – один из главных способов повышения эффективности ораторской судебной речи для изучаемой личности.

Особенно активно устный вариант речи адвоката дополняется средствами персонализации речи. Так, вводные слова **на мой взгляд** высокочастотны, встречаются в выступлении 14 раз, 7 раз – в черновике выступления: *Такая проверка реально помогла бы нам, на мой взгляд, раскрыть истинное лицо нашей потерпевшей; по мнению защиты, с моей точки зрения, как я понимаю, подчеркиваю* – 3 раза в устной

речи и 1 раз в письменной: *вопиющие нарушения, с моей точки зрения, бухгалтерского учета; я согласен* по одному разу использовано в обоих вариантах: *Я согласен с гособвинителем относительно процессуальных издержек.* Стандартное обращение **Ваша честь** 11 раз включено в устную речь, 6 раз – в письменную: *... квитанция номер 301 серии А выдавалась, Ваша честь, 16 раз подряд в разные даты, разным гражданам.*

Текст при использовании подобных средств звучит как уверенное мнение защитника, в наибольшей степени заботящегося, чтобы его позицию понял судья. Такой подход вполне оправдан и целесообразен в современном судопроизводстве, так как присяжные заседатели не включены в состав суда, а решение по делу полностью зависит от судьи.

Выражения, служащие как для демонстрации цепочечной связи слов в предложении и высказывании в целом, так и для усиления смысла, в основном присутствуют в устной речи. Указательная частица **вот** 7 раз появляется в устном варианте: *вот именно этих квитанций; указательные местоимение это* – 41 раз в устной речи, 24 раза в письменной речи: *Их невозможно идентифицировать, за что эти деньги поступили потерпевшей К.; Так и называется этот документ, «Образец квитанции»; Когда знакомились мы с делом с уголовным, это подтвердилось; Только уже это обстоятельство по крайней мере, подвело меня к тому, чтобы посоветовать моему доверителю не давать никаких показаний.* Указательное местоимение **такой** использовано только в устной речи 5 раз: *Вот такой был бухгалтерский учёт. И такое отношение к документам строгой отчетности.* Данные средства довольно однообразны и частотны, что говорит об ограниченности выбора и необходимости контролировать устную и письменную речь для говорящего с целью усиления воздействующего эффекта.

Для поддержания логических связей и выделения важной информации языковая личность часто использует вводные слова. **В принципе** отмечено 6 раз, в том числе 3 раза в письменной речи: *Такого поручения старший следователь Ш., в принципе, не отдала. По крайней мере* – 3 раза, в том числе 1 раз в письменной речи: *Поэтому пенять на это, по крайней мере, некорректно.* Следующие вводные слова отмечены только в устной речи: **прежде всего** (2 раза): *опровергается прежде всего материалами дела; самое главное* (2 раза): *И вот об этом, самое главное, уважаемый гособвинитель, мы хотели узнать у Р.* Имеются и другие логические связи, например, выражающие причину. Слово **поскольку** найдено 9 раз, 5 раз – в письменной речи: *...поскольку она освобождалась от обязательных отчислений...* Также есть противопоставление: **всё-таки** (по одному разу в обоих вариантах): *что же всё-таки преступление совершила В.* Остальные вводные слова появляются только в устном варианте: они используются: при объяснении: **иначе, другими словами, скажем так**; оценке: **«с сожалением»** (1 раз): *Можно констатировать, с сожалением, что К. это с успехом удалось. Как Вы правильно заметили* – подобное выражение в пер-

вый раз зафиксировано в текстах говорящего, ранее у него не было отмечено стремления соглашаться с мнением оппонента в лице прокурора. Стоит отметить, что средств для поддержания связности текста достаточно много, они разнообразны. Логичность текста языковая личность расценивает как его ведущее качество и довольно умело пользуется языковыми ресурсами.

Можно выделить ряд причин появления элементов речи, незапланированных говорящим. Их немного, чаще всего ими стали реплики в адрес прокурора и других участников процесса, которые по правилам организации судебных прений выступают первыми: *С учётом выступления гособвинителя, потерпевшей К., коллеги-адвоката, я хотел бы ещё маленькую ремарку вставить, по поводу их выступлений* (далее следует реплика объемом в 161 слово). Другие причины дополнения письменного текста в процессе выступления можно объединить в несколько групп:

- уточнение: *Объявления, которые мы часто видим в маршрутных автобусах, на остановках общественного транспорта; Как практикующий юрист более 20 лет; которую пригласили мы по нашему ходатайству; Реальные поступления, я подчёркиваю;*

- пояснение: *Именно такая цифра звучала в заявлении К.; ну так дословно я процитировал этот пункт; Это о чём я говорю? Если похитила В., то всё равно потерпевшая должна отчитываться за этот доход перед налоговыми органами, если нормально ведётся бухгалтерский учёт;*

- констатация нового факта: *Все наши ходатайства были отклонены, жалобы с моей стороны районному и областному прокурору отставлены без удовлетворения. Об этом я ещё скажу ниже;*

- апелляция к мнению судьи: *Сколько мы их провели за год во время следствия, Вы, Ваша честь, можете видеть в материалах уголовного дела. Все эти экспертизы мы оглашали, и даже допросили эксперта; Теперь вот Вас убеждает гособвинение потерпевшая и её представитель мой коллега адвокат;*

- обращение в ходе речи к прокурору: *вот об этом, самое главное, уважаемый гособвинитель, мы хотели узнать у П.*

Можно увидеть, что все причины сугубо прагматические, что соотносится с задачами современного судебного оратора, а также с особенностями личности говорящего.

Обратимся к анализу грамматического оформления текстов черновики и выступления. Грамматикосинтаксические ошибки не отмечены. Языковая личность способна строить достаточно длинные сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, осложненные причастными и деепричастными оборотами, однородными членами, вводными конструкциями, обособленными обстоятельством и дополнениями, присоединительными конструкциями.

Грамматико-морфологические ошибки эпизодически присутствуют. Так, предлог *согласно* употреблен как с дательным, так и с родительным падежами. При личном опросе адвокат заявил, что правильно говорить *согласно чего* именно в оборотах типа *согласно*

пункта договора: *Согласно пункта один указанного Договора...; «согласно заключения»... согласно обвинительного заключения... При этом в его текстах есть примеры ...согласно сведениям из Единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей (том 1, л.д. 79–82). Можно сделать вывод, что варианты с родительным падежом функционируют как устойчивые обороты официально-делового стиля или канцеляризмы. Немногочисленные ошибки, отражающие неверное употребление родительного падежа при согласовании существительного с прилагательными и причастиями: ...10 незаполненных квитанций, выполненные не типографским способом; родительного падежа в сочетании с деепричастием: не обращая внимание; лишнего дефиса: проверить хотябы выборочно; мягкого знака в личной форме глагола: ... что-то нехорошее твориться с бухгалтерским учетом; слитного и раздельного написания частицы «не»: следовательно не понятно, как могло произойти... Как видим, оратор обладает грамотной речью, при этом есть элементы, которые он мог бы самостоятельно заметить как ошибочные и устранить.*

Можно отметить как положительную тенденцию, что информант стремится в ряде случаев упростить грамматические модели, что меняет стилистическую окраску текста и помогает улучшить восприятие выступления слушателями. Приведем примеры трансформации грамматических конструкций письменного текста, производимые языковой личностью в ходе устного выступления. Автор заменяет пассивные конструкции на активные: *ей лично выписано – она лично выписала; Почерковедческие экспертизы подписи указанных лиц не были назначены и проведены – Никто почерковедческие экспертизы подписи указанных лиц не провёл; проведено не было – никто не удосужился провести; использует я-конструкции: было минимум три печати – минимум четыре я насчитал; трансформирует деепричастные обороты в глаголы: эксперт, получив от следователя квитанции... – эксперт получил от следователя квитанции...; меняет порядок слов: сделать было не сложно – было сделать не сложно. Добавление сочинительных союзов в структуру простого предложения делает восприятие текста более легким: Квитанции имели разные логотипы как фирмы «Алимп» так и «Программы поддержки заемщиков банка». При условии более активного осуществления вышеуказанных процессов оратор добился бы значительного упрощения текстов в ходе выступления, однако большая часть сложных оборотов осталась без изменений.*

Эффективным способом улучшения устного текста является добавление, хотя и в небольшом количестве, оборотов экспрессивного синтаксиса в устный текст. Они есть и в письменном тексте, поэтому можно сделать вывод, что языковая личность хорошо владеет узким кругом фигур речи, особенно не стремясь расширять его. Отмечены параллельные конструкции: *Эти деньги нигде проведены не были, нигде учтены не были; Вот такой был бухгалтерский учёт. И такое отношение к документам строгой отчетности; риторические вопросы: Эксперт по сути что сделал?*

Эксперт получил от следователя квитанции, сложил все обозначенные в них суммы; Это о чём я говорю? Если похитила В., то всё равно потерпевшая должна отчитываться за этот доход перед налоговыми органами; предложения с однородными членами: *Потерпевшая сумела убедить следствие, теперь вот Вас убеждает гособвинение, потерпевшая и её представитель, мой коллега адвокат.*

Охарактеризуем произносительный стиль языковой личности – особенности интонации, громкости голоса, темпа речи, произношение, мимику и жесты – и оценим, усилили ли указанные факторы воздействие оратора на слушателей.

Характеристика интонации включала описание эмоциональных вариантов окраски голоса разных фрагментов устного текста. При описании интонации мы опирались на принципы, сформулированные С.В. Коздасовым и О.Ф. Кривновой в монографии «Общая фонетика» [21], поэтому представляли интерес только «маркированные интегральные огласовки», выражающие «эмоциональные состояния говорящего и его попытки воздействовать на эмоции слушающего», являющиеся средством реализации экспрессивной функции интонации [21. С. 385]. Интегральные интонационные средства реализуются через темп высказывания и фонационные просодии: реплики восхищения произносятся на придыхательном голосе, скрипучий голос передает отрицательную оценку, приказы произносятся напряженным голосом [21. С. 396]. В формальной речи интегральные характеристики обычно имеют нейтральные значения. Дополняются принципы описания интонации сведениями об эмоциональных стилях речи [22]. «Радость выражается путем восходящей мелодии, “расширения” звучности ударных гласных в важных по смыслу словах», горе – использованием «более высокого уровня диапазона голоса в рамках всего высказывания», гнев реализуется через «повышенную четкость артикуляционных движений, уменьшение ударных слогов, усиление признаков согласных фонем, «сужение» звучности гласных в ударных слогах важных по смыслу слов» [22. С. 26]. Для спокойной речи характерно «равномерное распределение ударных слогов с дистанцией в 2–3 слога. При нарастании напряжения увеличивается темп речи» [22. С. 26].

В речи адвоката эмоционально окрашенные фразы составляют около 25% от общего объема звучащей речи. Остальные высказывания воспринимаются как нейтральные. Чаще всего фиксируются неодобрительные эмоциональные варианты, так как отмечены скрипучий голос, четкая артикуляция, уменьшение звучности гласных и усиление признаков согласных (51 фраза): *Не проверено следственным путем наличие расчетных счетов на имя К. в «Газпромбанке», «Сберегательном банке» и «Банке ВТБ 24 и других; Не понятно, мне, как защитнику, так как иных доказательств, кроме показаний самой К., прямо заинтересованной в исходе дела, следствием не добыто; За целый год следствия, сотрудники полиции так и не смогли установить, какое же все-таки преступление совершила В., присвоение либо растрату.* Затем сле-

дует уверенный тон повествования, напоминающий тон приказа, с наличием напряженного голоса, понижением тона в конце фразы (19 фраз): *Я считаю, что если человек изначально не признавал своей вины, а такую позицию избрала В., то она не должна приносить никаких извинений потерпевшей К., ни тем более возмещать ей ущерб до того момента, пока она не будет признана виновной в установленном законом порядке.* Ирония в сочетании с неодобрением достаточно частотна, тон повышается на значимых словах (14 фраз): *Информация о фальсификации доказательств по гражданским делам не проверена вообще, что в принципе, на мой взгляд, было сделать не сложно, так как все дела в суде у потерпевшей вели Б. и П.; Трудового договора при этом с В., К. заключено не было, со ссылкой последней на то, что это было удобно В.* Присутствует удивление, тон повышается к середине фразы, затем падает (12 фраз): *Согласно заключения бухгалтерской экспертизы № 8334 (том 4, л.д. 176) квитанция номер 3 серии А была выдана сразу трем гражданам! Сожаление имеется в двух случаях, с более высоким уровнем диапазона голоса в рамках всего высказывания: Все наши ходатайства были отклонены, жалобы с моей стороны районному и областному прокурору отставлены без удовлетворения.*

Основной индивидуальной особенностью интонации языковой личности является то, что экспрессивные слова часто произносятся нейтрально: **чудесным образом, вопиющие нарушения, раскрыть истинное лицо потерпевшей.** Так, в письменном тексте во вступительной части автор даже заключил слово «**потерпевшая К.**» в кавычки. При личном опросе он подтвердил, что это ирония, потому что считал потерпевшую преступницей, однако в речи такая эмоция не прозвучала. Преобладание неодобрительных эмоций весьма типично для судебной речи. Но в целом речь эмоционально достаточно однообразна, велика доля нейтральных частей в тексте, оратор явно не использует данный ресурс в полной мере. Это связано, в первую очередь, с особенностями личности говорящего, сдержанного и педантичного человека.

Голос оратора воспринимается как негромкий, как будто он разговаривает один на один с собеседником, прежде всего, с судьей, а не находится в зале суда. Это заставляет вслушиваться в его слова, привлекает внимание. Темп речи составляет в среднем 158 слов в минуту. Это весьма быстрая речь. Ускоренный темп создает дополнительное эмоциональное напряжение. Несколько раз темп замедляется, обычно при произнесении отдельных, наиболее значимых фраз, логические ударения в этом случае могут делаться почти на каждом слове: *Я не нашёл /документов в /материалах дела, // где потерпевшая К. /задекларировала бы /указанный /доход.*

Произношение характеризуется как хорошо артикулированное, речь внятная, несколько монотонная, но оратору удается держать баланс между темпом и громкостью. Если бы произношение было менее четким, восприятие при условии быстрого темпа и нейтральности эмоциональной окраски значительно ухудшилось бы.

Паузы имеются, они удерживают внимание, часто соответствуют знакам препинания. Специфические паузы возникают часто после союза «что»: *Я согласен с гособвинителем относительно /процессуальных издержек/, которые понесла потерпевшая, не согласен только с тем, // что мы должны представлять ещё и /то соглашение с доверителем, /которое мы заключаем, /поскольку эти сведения являются адвокатской тайной/* Логические ударения говорящий делает регулярно, но не часто, в основном на указательных словах, вводных словах, значимых словах во фразе. При довольно высоком темпе речи паузы помогают поддерживать интерес аудитории. Выразительной мимикой оратор не обладает, поэтому этот ресурс почти не используется. Практически всегда сохраняется серьезное выражение лица, иногда появляется легкая усмешка. При обращении к судье всегда слегка поворачивает в её сторону голову. Жесты у него отсутствуют вообще. В процессе выступления говорящий почти 30 минут стоит, опершись кулаками на стол. Он слегка покачивается в такт речи, что не раздражает и не отвлекает внимания от быстрого, негромкого и уверенного звучания голоса.

Таким образом, на материале отдельной речи конкретного судебного оратора в аспекте коммуникативной эффективности проанализирован процесс подготовки к выступлению (работа над письменными вариантами текста) и самого выступления (устная реализация текста).

Укажем на эффективные способы на этапе расположения текста. Адвокат работал над композицией текста очень скрупулезно, на протяжении значительного времени. Каждый из вариантов имел отличия, касающиеся включения дополнительной фактической информации, обусловленной необходимостью уточнить, дополнить, оценить, отреагировать на реплики других участников процесса. Основная идея текста при этом оставалась неизменной. Имеются включения эмоциональных блоков в последнем черновике, адвокат позаботился об эффекте психологического воздействия на слушателей. Эта работа с расположением материала в тексте речи характеризует личность адвоката как внимательного и рационального человека.

На этапе редактирования текста эффективные способы также присутствуют. Информант, исходя из прагматических установок дополнения информации, привлечения внимания и т.д., активно использует синонимические замены, ряд экспрессивных и разговорных лексических единиц, причем, как индивидуальную особенность, следует отметить преобладание усилительного компонента в значении экспрессивных слов и выражений. Использование данных средств добавляет речи оратора эмоциональности, точности и выразительности. Излюбленным способом привлечения внимания являються средства персонализации речи, в результате возникает эффект уверенности защитника в своем мнении, специфика оратора видится в стремлении убедить именно судью. Но самыми разнообразными и широко распространенными стали средства для поддержания связности текста, эффект логичной подачи информации достигается автором

текста в полной мере. Как положительную, можно отметить тенденцию упрощения информантом сложных грамматических конструкций, что эффективно меняет стилистическую окраску текста, улучшает восприятие выступления слушателями. Несомненно, эффективным способом оптимизации письменного и, в особенности, устного текста является включение фигур речи (параллелизмов, риторических повторов), придающих эмоциональность высказыванию, позволяющих сделать логические акценты.

На этапе произнесения реализуются в наибольшей степени индивидуальные особенности оратора. Быстрый темп речи, хорошо артикулированное произношение, небольшая громкость голоса хорошо сочетаются друг с другом, ускоренный темп создает дополнительное эмоциональное напряжение, негромкий голос заставляет прислушиваться, логические паузы поддерживают интерес аудитории. Возникает эффект личного доверительного разговора с судьей. Эмоциональные неодобрительные оттенки интонации преобладают, что типично для судебной речи. Основной индивидуальной особенностью интонации языковой личности является то, что экспрессивные слова часто произносятся нейтрально, а специфические длинные паузы возникают после союза «что».

Неэффективные стратегии на этапе расположения не отмечены. На этапе редактирования текста стоит подчеркнуть, прежде всего, отсутствие стремления исправлять ошибки в черновиках. Основным недостатком можно считать сравнительно небольшой набор разговорных и экспрессивных элементов, образных средств (метафор, эпитетов, сравнений и т.д.) и фигур речи, а также выражений, служащих для демонстрации логической связи слов. Это снижает эффективность речевого продукта. Расширение круга подобных средств и, напротив, уменьшение количества сложных грамматических конструкций, присущих научному стилю речи, способствовали бы повышению риторической компетентности оратора.

На этапе произнесения интонационные и невербальные способы привлечения внимания с точки зрения классических риторических канонов используются неэффективно. Речь эмоционально достаточно однообразна, велика доля нейтральных частей в тексте. Оратор не обладает выразительной мимикой, жесты практически отсутствуют. Это связано, в первую очередь, с особенностями личности оратора, сдержанного и педантичного человека, ему сложно использовать разнообразные интонации и многочисленные логические ударения, но в его силах немного изменить невербальное поведение, например, производить руками жестикуляцию на уровне груди, в такт логическим ударениям.

Можно утверждать, что в целом говорящий следует риторическим канонам. Он способен создавать несколько черновиков, значит, придает большое значение своим выступлениям, планированию, убеждению при помощи фактов, предварительной подготовке. В плане привлечения разнообразных языковых ресурсов и улучшения стиля он ограничивает их использование, при этом устная форма речи более экспрессивно

окрашена, включает много разговорных элементов, обогащена словами, способствующими усилению логичности и связности текста и привлечению внимания аудитории. Не появляются слова-паразиты, сокращения, просторечие, сленг. Это связано как с современной тенденцией ведения судебных процессов, не подразумевающей привлечение эмоциональных средств, так и определяется личными качествами судебного оратора. В плане произнесения наблюдается наиболее интересная ситуация: оратор нашел баланс между нестандартными, по типичным риторическим правилам, темпом и громкостью речи.

В итоге можно утверждать, что речевое поведение конкретной личности может стать образцом для подобных языковых личностей и даже повлиять на формирование общих риторических правил. Рекомендуем данному оратору и подобным ему профессионалам опираться на собственную индивидуальность, разви-

вать сильные стороны, например, уверенность в себе, опору на логичность, факты, педантичность, «введливость», но компенсировать, по возможности, слабые. Так, излишняя ориентированность на одно-два достоинства порождает однообразие текстов, монотонность восприятия, односторонность подачи материала, предсказуемость. Следовательно, расширять палитру языковых средств следует любому оратору, в том числе изучаемой личности, это повышает коммуникативную и профессиональную компетенцию.

Общее впечатление от речи говорящего – уверенный, спокойный, сдержанный, педантичный, деликатный человек, грамотно говорящий, рассчитывающий на понимание умных адекватных людей. Образ данного современного судебного оратора оценивается как гармоничный, так как замысел воплощается последовательно и эффективно, но при этом имеется ряд позиций, в направлении которых можно самосовершенствоваться.

Список источников

- Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия. М. : Юрист, 2007. 464 с.
- Отургашева Н.В. Судебная риторика: учеб. пособие для дистанц. обучения и самост. работы студ. Новосибирск : СибАГС, 2006. 152 с.
- Мельников И.И., Мельников И.И. Судебная речь: Для участников судебных прений по уголовным делам. М. : ИКФ «ЭКМОС», 2003. 160 с.
- Землякова Н.В., Гарбовская Н.Б. Аргументация в судебной риторике // Теория и практика общественного развития. 2017. № 6. С. 101–105.
- Пригарина Н.П. Риторический аспект изучения стратегий и тактик аргументативной деятельности // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 2 (36). С. 165–169.
- Начёрная С.В. Судебная защитительная речь – аргументированная речь в аспекте юридической риторики // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2009. № 12. С. 255–264.
- Хабарин М.О. Особенности публичного выступления – основного компонента лингво-коммуникативной составляющей культуры общения // Вестник экономической безопасности. Педагогические науки. 2016. № 4. С. 342–345.
- Маркова С.С. Языковые проявления гибридизации жанра современной публичной речи // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6. С. 131–137.
- Виноградова Т.Ю. Моделирование речевой деятельности судебного оратора в стадии судебных прений // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 2. С. 117–120.
- Ваничкина А.С. Жанровые особенности судебного выступления адвоката (на материале английского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 17 (815). С. 9–15.
- Кенжеева К.Т. Язык публичного выступления. Отличия устного и письменного языка // Вестник Казахского национального университета. 2011. № 4 (134). С. 263–266.
- Федулова М.А. Судебная риторика как составная часть ораторского искусства // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2009. № 4. С. 81–85.
- Ледньва О. Техника речи судебного оратора. URL: <https://blog.oratorskoeiskusstvo.com/ritorika/iskusstvo-rechi-na-sude.html> (дата обращения: 02.02.2021).
- Катышев П.А. Коммуникативное консультирование как направление прикладной лингвистики // Вестник КемГУ. 2013. Т. 2. № 2 (54). С. 64–67.
- Далецкий Ч.Б. Риторико-коммуникативная культура личности юриста // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 4. С. 94–101.
- Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.
- Ипатова И.С. Языковая личность юриста: вчера, сегодня, завтра // Государство и право в изменяющемся мире : материалы науч.-практ. конф. (Н. Новгород, 5 марта 2016 г.). Н. Новгород : РГУП, 2016. С. 952–962.
- Кубиц Г.В. Профессионализация языковой личности (на примере юридического дискурса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 19 с.
- Леонтьева А.В. Когнитивно-прагматический анализ употребления жестов в судебном аргументативном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 9 (801). С. 113–125.
- Волкова Т.Ф. Речевая деятельность судебного оратора (на материале выступлений в прениях) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 444. С. 38–45. doi: 10.17223/15617793/444/4
- Коздасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 591 с.
- Величкова Л.В. Психолингвистическая основа исследования эмоциональности звучащей речи // Вопросы психологии. 2007. № 5. С. 20–26.

References

- Ivakina, N.N. (2007) *Osnovy sudebnogo krasnorechiya* [Fundamentals of Judicial Eloquence]. Moscow: Yurist⁷.
- Oturgasheva, N.V. (2006) *Sudebnaya ritorika* [Judicial Rhetoric]. Novosibirsk: SibAGS.
- Mel'nikov, I.I. & Mel'nikov, I.I. (2003) *Sudebnaya rech': Dlya uchastnikov sudebnykh preniy po ugolovnym delam* [Judicial Speech: For participants in judicial debates in criminal cases]. Moscow: IKF "EKMOС".
- Zemlyakova, N.V. & Garbovskaya, N.B. (2017) The reasoning in forensic rhetoric. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 6. pp. 101–105. (In Russian). DOI: 10.24158/tpor.2017.6.25
- Prigarina, N.P. (2009) The rhetorical aspect of the study of the strategies and tactics of persuasive activities. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2 (36). pp. 165–169. (In Russian).

6. Nachernaya, S.V. (2009) Speech for the defence is an argumentative speech in the aspect of juridicial rhetoric. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta – The Herald of South-Ural state Humanities-Pedagogical University*. 12. pp. 255–264. (In Russian).
7. Khabarin, M.O. (2016) Features of a public statement – the main component of a linguo-communicative component of culture of communication. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. Pedagogicheskie nauki*. 4. pp. 342–345. (In Russian).
8. Markova, S.S. (2015) Linguistic manifestations of genre hybridization of modern public speech. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*. 6. pp. 131–137. (In Russian). DOI: 10.17238/issn2227-6564.2015.6.131
9. Vinogradova, T.Yu. (2012) Modeling of speech of forensic orator on the stage of judicial pleadings. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii – The Review of Economy, the Law and Sociology*. 2. pp. 117–120. (In Russian).
10. Vanichkina, A.S. (2018) The specific features of the lawyer's speech genre (based on the english language material). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 17 (815). pp. 9–15. (In Russian).
11. Kenzheeva, K.T. (2011) Yazyk publichnogo vystupleniya. Otlichiya ustnogo i pis'mennogo yazyka [The language of public speaking. Differences between oral and written language]. *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo universiteta – Eurasian Journal of Philology. Science and Education*. 4 (134). pp. 263–266.
12. Fedulova, M.A. (2009) Judicial rhetoric as a component of public speaking. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Filologicheskie nauki*. 4. pp. 81–85. (In Russian).
13. Ledn'va, O. (2018) Tekhnika rechi sudebnogo oratora [Speech technique of a court speaker]. *Kharizma. Shkola oratorskogo iskusstva Vladimira N. Podoprigora* [Charisma. Vladimir N. Podoprigor School of Public Speaking]. [Online] Aviable from: <https://blog.oratorskoeiskusstvo.com/ritorika/iskusstvo-rechi-na-sude.html> (Accessed: 02.02.2021).
14. Katyshev, P.A. (2013) Communicative counseling as a branch of applied linguistics. *Vestnik KemGU – Bulletin of Kemerovo State University*. 2-2 (54). pp. 64–67. (In Russian).
15. Daletskiy, Ch.B. (2016) Ritoriko-kommunikativnaya kul'tura lichnosti yurista [Rhetorical and communicative culture of the personality of a lawyer]. *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) – Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 4 (20). pp. 94–101.
16. Ivantsova, E.V. (2002) *Fenomen dialektnoy yazykovoy lichnosti* [The phenomenon of a dialect linguistic personality]. Tomsk: Tomsk State University.
17. Ipatova, I.S. (2016) [Linguistic personality of a lawyer: yesterday, today, tomorrow]. *Gosudarstvo i pravo v izmenyayushchetsya mire* [State and Law in a Changing World]. Proceedings of the International Conference. Nizhny Novgorod. 5 March 2016. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Branch of the Russian State University of Justice. pp. 952–962. (In Russian).
18. Kubits, G.V. (2005) *Professionalizatsiya yazykovoy lichnosti (na primere yuridicheskogo diskursa)* [Professionalization of linguistic personality (on the example of legal discourse)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.
19. Leont'eva, A.V. (2018) Cognitive-pragmatic analysis of gesture use in court persuasive discourse. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki – Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 9 (801). pp. 113–125. (In Russian).
20. Volkova, T.F. (2019) Speech activity of the modern forensic orator (on the material of speeches in debates). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 444. pp. 38–45. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/444/4
21. Kozdasov, S.V. & Krivnova, O.F. (2001) *Obshchaya fonetika* [General Phonetics]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
22. Velichkova, L.V. (2007) *Psikholingvisticheskaya osnova issledovaniya emotsional'nosti zvuchashchey rechi* [Psycholinguistic basis for the study of the emotionality of sounding speech]. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*. 5. pp. 20–26.

Информация об авторе:

Волкова Т.Ф. – канд. филол. наук, доцент отделения русского языка Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: tatyana-volkova@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.F. Volkova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tatyana-volkova@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.02.2021;
одобрена после рецензирования 19.01.2022; принята к публикации 28.01.2022.

The article was submitted 20.02.2021;
approved after reviewing 19.01.2022; accepted for publication 28.01.2022.